

Наш Мустай Карим

Мустай Карим вспоминал слова, сказанные на заключительном заседании Первого Всесоюзного совещания молодых писателей А.Т.Твардовским: «...с трибуны полушутя он произнес ту знаменитую фразу «топи котят, пока слепые», немало смутившую молодую публику, которая состояла почти сплошь из будущих гениев. Нам думалось тогда, что в зале «котят» совсем нет. И он, конечно, имел в виду не столько зал, сколько так называемую «прихожую» литературы, где обычно толпится **воинствующая посредственность** (выделено нами. — *Авт.*). Суров и зол был он с ней во имя защиты таланта. В другой раз, много лет спустя, как-то в разговоре Александр Трифонович с горечью сказал: «Муравьи могут сожрать слона, если его повалить в яму. Так и сожрут...» [35, 81].

Действительно, мы сегодня являемся свидетелями справедливости выше-приведенных слов А.Т.Твардовского: многие великие свершения наших предков обращены в пепел, устраиваются оргии на могилах наших ушедших соотечественников, имена выдающихся представителей нашей страны подвергаются обструкции...

С прискорбием приходится говорить о том, что у некоторой части нашей интеллигенции появляется зуд во всех частях тела при упоминании имени Мустая Карима. В связи с этим в данной статье хочется повести разговор не о творчестве нашего великого земляка, а о его человеческих качествах, о его отношении к человеческим порокам, добру и злу.

Критиковали М.Карима неоднократно и при жизни. Но эта критика во многом была здоровой, не унижающей. Вот что писал в статье «Жизнь, во-бравшая эпоху», кстати, посвященной 75-летию поэта, Г.Шафиков: «Рядом с выдающимся сценическим произведением «В ночь лунного затмения», покорившим многие театры страны и зарубежья, появилась далеко не столь весомая, на мой взгляд, «Страна Айгуль». Желание быть излишне философичным приводило порой к некоторой умозрительности в «Салавате» и в трагедии «Не бросай огонь, Прометей». После замечательной автобиографической повести «Долгое-долгое детство» увидела свет несколько надуманная повесть «Помилование». Разумеется, в оценке этих произведений, подчеркиваю, я высказываю сугубо личное мнение. Но творчество Мустая лично мне, например, близко еще и этой неровностью, свидетельствующей о постоянных мучительных поисках автора, о желании разнообразить тематику сочинений, их стиль и лексику. Это свойственно опять-таки настоящим художникам, избирающим самые трудные и неизведанные пути в творчестве» [54].

«Мне, — продолжает Г.Шафиков, — приходилось слышать порой продиктованные личными амбициями неприязненные слова в адрес Мустая. Они исходили от разных людей, главным образом от его старших по возрасту коллег,

сегодня, в большинстве своем, уже ушедших в мир иной. Позднее, задумываясь над их обидами и сетованиями, я все больше приходил к выводу, что обиды эти рождало чувство уязвленного самолюбия. Кому охота слышать, что стихи твои слабы, не достойны быть переведенными и опубликованными в столичном издательстве? А ведь в Москве хотелось печататься всем. Многим казалось, что именно Мустай каждый раз становится живой преградой на их пути.

Я знаю немало примеров, когда Мустай с живым интересом относился к способным авторам, на каком бы языке тот не писал. Помню, как он поддержал опального уфимского поэта и переводчика Станислава Сушевского, который позднее уехал в Махачкалу. Он поощрял творчество даровитой Лиры Абдуллиной, увы, ныне покойной. Можно назвать имена целого ряда молодых и совсем юных башкирских авторов, которые находили поддержку у Мустая. Имя его все годы действовало на взрослеющих поэтов магически. Самым большим аргументом их были слова: «Мустай одобрил...», «А вот Мустай сказал...» Причем, слова эти исходили нередко и от тех, кто никогда с Мустаем не разговаривал, ибо он и не стал бы с ними разговаривать по причине полной бездарности последних. Но ведь как хотелось побравировать! Словом, явь тесно переплеталась с небылицами, которые рождали ложные слухи, перераставшие в сплетни, создавали искаженное мнение и представление о поэте. Постоянно жить в такой атмосфере нелегко, если даже ты помечен клеймом избранности, тебя цитируют не только критики, но и партийные деятели, а некоторые коллеги делают себе имя и получают звания, создавая целые хвалебные книги о твоём творчестве. При таком раскладе очень просто было потерять ориентиры, начисто лишиться критического отношения к себе, к своему творчеству, разучиться сомневаться. Мустаю пришлось пройти сквозь все эти лучезарные тенеты, и поскольку его не заела ржа самомнения и довольства, значит, он остался на высоте и человеческого, и творческого Олимпа» [54].

А вот мнение по этому поводу одного из выдающихся советских литераторов К.Кулиева: «Он (М.Карим. — *Авт.*) из числа тех поэтов наших дней, которые нанесли сокрушительный удар по антихудожественной версификации и крикливой риторике, тем самым открыв широкие горизонты для молодых поэтов» [23]. На вопрос Валентины Жегис: «Мустафа Сафич, какова, на ваш взгляд, роль современной творческой интеллигенции в процессе перестройки? Всегда ли она оправдывает свое высокое предназначение — быть властителем дум, мозговым центром общественной мысли?», поэт ответил: «Интеллектуальный потенциал перестройки — одно из важнейших условий ее победы. Это уже общеизвестно. Почему сейчас столь важна роль интеллекта? Мне это понятно. Ведь для того, чтобы что-то изменить в экономической, хозяйственной, социальной сфере, нужно прежде всего произвести «революцию» в умах. Но интеллект — не только опровергает, критикует или дает оценку уже свершившемуся. Творческая интеллигенция — созидающее начало. Впрочем, кое-кто из ее представителей до сих пор ведет «кулачные бои», которые уже всем надоели. И ни к чему не приведут. Вызовут только взаимную раздражительность и неприязнь» [37].

В ходе этой же беседы Мустай Карим подчеркнул, что все — пишущие, играющие на сценах или снимающие фильмы — относили себя к творческой интеллигенции. «И вот, — говорил он, — сейчас выяснилось, что в прошедшие годы мы создали немало неинтеллигентных интеллигентов, утративших былые традиции духовности, нравственности, не говоря уже о внешних признаках хо-

рошего воспитания. И возникшие «силовые приемы» (впрочем, они ведутся не только в литературе, но и в театральном искусстве, балете и т.д.), эти вздорные споры, противостояния и показывают, «кто есть кто». Тем дороже ценятся люди, представляющие не на словах, а на деле подлинную советскую интеллигенцию — русскую, башкирскую, грузинскую и т.д.» [37].

Тогда же он высказал мысль в том, что интеллигенции необходимо самоочищение. «Каждому из нас, — был убежден он, — независимо от возраста, национальности, степени одаренности. У самого человека должно быть какое-то самоощущение своей внутренней принадлежности к интеллигентскому «сословию». Бывает и так, что рабочие, колхозники, простые люди ведут себя гораздо более воспитанно, чем иные деятели литературы и искусства. Они более трезво и более объективно относятся ко всем делам, происходящим в стране. В их суждениях чувствуется внутренняя культура, которая не зависит ни от образования, ни от социального происхождения» [37].

Поэт считал, что, начиная «перестройку», руководство страны рассчитывало на деятелей науки и культуры. «Но, очевидно, — пришел к выводу писатель, — еще не все мы это поняли и не приняли на себя огромный груз ответственности. А дело задумано грандиозное и необычайно трудное. Надо бороться за перестройку, ощущать ее в своей крови, не жалеть душевных сил! Начать с того, чтобы прекратить, наконец, распри! И то, что мы сейчас так много об этом говорим, свидетельствует, что произошло отрезвление, люди опомнились, задумались» [37].

Писатель в ходе той беседы ответил на другой вопрос: «Читая сегодня многочисленные эмоциональные публикации в газетах и журналах, подчас приходится задумываться, так ли уж правильно и глубоко мы понимаем демократию? Не устарела ли газетная рубрика «Учимся демократии»? Не пора ли и здесь переходить от «школьной парты», от слов к делу?» «Согласен с вами, — сказал он. — Появилось много демагогии вокруг этого выстрадавшего нашим народом понятия. Каждый (ну, если не каждый, то во всяком случае многие) считает себя обиженным в прежние времена и теперь спешит об этом публично поведать и привлечь к себе общественное внимание. И, судя по некоторым публикациям, плохие люди иногда плохие думы думают. Я бы посоветовал сделать так, чтобы участие в публичных спорах принимали бескорыстные, честные люди, и публиковать только их мнения. Нужно больше прислушиваться к людям хорошим, а не демагогам, пошлякам и хамам» [37].

«Иногда в жизни бывает и так, — говорил Мустай Карим на одном из пленумов Оргкомитета Союза писателей России. — Пахарь в каждой с трудом проложенной борозде своей видит золотые колосья будущей нивы, а прилетевший на борозду грач — одних червяков. Весьма важно, чьими глазами посмотришь на борозду жизни» [1]. Это откровенное признание очень характерно для Мустая Карима. Мысль о взгляде на жизнь, о позиции, точке зрения, с которой действительность оценивается писателем, постоянна в его размышлениях об искусстве. Действительно, можно смотреть на мир сквозь пробоины от снарядного осколка в комсомольском билете, а можно — через замочную скважину.

Сущность человеческой природы и в следующих строчках поэта:

Но ширятся день ото дня
Границы мироздания:

Растут сомненья у меня,
Растет мое незнание [32, 159].

В высокой душе не бывает,
Чтоб вечная ясность и лад...
Бывает, тоска прибывает,
Бывает, сомненья гудят [38, 139].

Не заблудился ль я на свете этом,
Ища дорогу к самому себе?
И где он — судя по дорожным метам —
Опасный поворот в моей судьбе?

Не потому ль в пути на перепутье
Так часто останавливаюсь я?
С трудом к своей я пробиваюсь сути
По тягостным законам бытия [38, 7].

Мы не случайно обратились к этим строкам поэта, ибо борьба за добро — это всегда спор с самим собой и с действительностью.

К.Зиганшин в статье «Мудрец из Кляшева» делает вывод о том, что уважительно-деликатное, почти нежное отношение к человеку — это просто органичное свойство природы Мустая Карима. Он с симпатией относился к людям, встречавшимся на его жизненном пути, не деля их на разряды. В каждом видел личность, достойную уважения. Его искреннее, не показное внимание естественным образом сочеталось с иронично-шутливым и требовательно-строгим отношением к самому себе. Это больше всего восхищало.

Конечно, у него, как у человека талантливого, были враги и завистники, тем более, что он всегда твердо отстаивал свои жизненные принципы. Но Мустай-агай старался не замечать их, а сам хулой всех и вся не занимался.

Человек чистейшей совести, никогда не предававший идеалов справедливости, Мустай Карим смущал своим образом жизни людей лживых и корыстных. Кого-то, возможно, побуждал задуматься о необходимости жить по чести, кого-то предостерегал от малодушных поступков, соблазна клеветы.

Когда мы колебались в выборе: за кем идти, кому верить? — его простые и точные слова разрешали сомнения, поддерживали людей. Так было в самое трудное время перевода экономики страны на рыночные рельсы и связанной с этим растерянностью, потерей ориентиров у большинства людей» [19].

Почти то же самое говорит И.Николенко в статье «Веселый грустный человек». «Я очень часто вспоминаю, — пишет Ирина Владимировна, — его слова: «Верьте друг другу. Даже тем — в ком сомневаетесь. Пусть лучше вас обманут, но вы не обманывайте». Меня по жизни очень часто упрекали в излишней доверчивости, я, как могла, пыталась с этим бороться, получалось плохо, отчаивалась. Мустафа Сафич четко расставил точки в моих сомнениях, и я вывела для себя формулу: «Пусть лучше буду душой, чем стервой».

Он столько раз лично меня в жизни утешил и поддержал, может быть, даже не всегда сам подозревая об этом. Стоило просто услышать его голос, как сразу становилось спокойно, легко и ясно. А мы донимали его, не считаясь ни с воз-

растом, ни со здоровьем. Его бросали на такие амбразуры, затыкать которые ни у кого не хватало духу» [43].

Мажит Гафури писал:

Правда есть на земле! Не она ль в незапамятный век
Полновластно себе подчиняла и зло, и добро? [53, 14].

Прекрасно сказано! И у зла, и у добра своя правда. Так было всегда! Мустай Карим и пером, и словом защищал правду с позиции добра и добро с позиции правды! «О правде вы спросите у меня». Да, многие, очень многие искали правду и защиту ото зла у Мустая Карима.

С подлостью поэт столкнулся еще в шестом классе. Тогда же редактором и художником школьной стенной газеты был Ташбай, который, узнав, что М. Карим занимается стихосложением, попросил у него для своей стенгазеты стихи. «Я дал ему, — вспоминает поэт. — Стихотворение под названием «Без крови нужно побеждать, товарищи!» Ташбай принял мое произведение без единого замечания и напечатал его. Но, к моему удивлению, через несколько дней он вывесил новую газету, в которой выступил с огромной статьей, обвинив меня за то стихотворение в правом оппортунизме. Я так и не понял, в чем же была моя вина. Но Ташбай все знал. Он предостерегал: мой скользкий путь может привести меня в стан врага.

Он был нашим сверстником, но являлся уже деятелем школьного масштаба и не знал ни прощения, ни компромисса. Маленького роста, большеголовый Ташбай держал всю школу в страхе и повиновении. Он всегда оценивал любой поступок каждого ученика только с точки зрения классовой борьбы. Кстати, его судьба кончилась весьма печально. В войну, как я потом узнал, он дезертировал с фронта, скитался по Башкирии и где-то погиб случайной смертью» [35, 18].

Спустя годы поэт напишет стихотворение «Ответ на вопрос друзей», где находим следующие слова:

И порой бывало так:
Дружбе друг мой изменял,
И меня, бывало, враг
Грязной ложью обливал [32, 68].

Подлость выражается в поступках и словах. И что больше ранит человека и причиняет боль, неизвестно. Недаром говорят: «Слово убивает человека». А М.М.Щербатов — русский историк, публицист, дворянин, почетный член Петербургской Академии наук, писал: «Держи язык твой от всякой непристойности и от изречения того, что должно тебя таить, ибо откровением своих тайн ты подвергаешь помешать успеху своих предприятий; а откровением чужих тайн содействуешь тому изменником и причиняешь ему вред» [56, 953].

Известно, кое-кто из наших деятелей литературы и литературоведов обвиняли Гайнана Амири в том, что он не автор «Мурадыма». По этому поводу Мустай Карим писал 3 мая 1989 года: «В 1937 году доносы писали только на живых. Теперь уже с лживыми доносами на покойников носятся. Гайнан Амири, покойник, в такое положение и попал. Его обвиняют, что своего «Мурадыма» он украл у Хадии Давлетшиной. У Давлетшиной такой рукописи не было. Это я

точно знаю. Когда А.Вали отказался печатать отрывки из «Иргиза», я спросил у Хадии: «Нет ли у тебя произведения поменьше? Дай, мы напечатаем», «Нет. Все, что написала — этот «Иргиз», ответила она» [17, 185]. И этим самым внес существенный вклад в установление истины и восстановление честного имени Г.Амири.

М.Карим не терпел проявлений непорядочности в самых что ни есть обычных ситуациях. Так, в статье «Мудрые уроки» он следующим образом описывает одно из своих наблюдений в жизни: «По главной улице города шел большой красивый автобус, переполненный людьми. Недалеко от перекрестка пересекал улицу небрежно, но крикливо одетый молодой человек. Он увидел, что идет автобус, но не ускорил шага. Наоборот, приняв еще более беспечный вид, продолжал шествовать в величавом спокойствии. Водитель был вынужден притормозить и пропустить невозмутимого пешехода. Но стоило бы шоферу не притормозить, он вмиг зайцем отскочил бы в сторону, может, и кубарем бы откатился в канаву. Но этот начинающий наглец знал, что шофер его не сшибет — иначе ему отвечать придется.

Подобное иногда случается и в общественной жизни. Вот такие наглецы порою мелькают перед большим красивым автобусом и вольно или невольно норовят замедлить его движение» [29, 147—148].

Не об этом ли и эти строки поэта:

Тут из-за поворота, спеси полон,
Вдруг пароход, как чванный властелин,
Грудь выпятил и голоса не подал,
Как будто в целом мире — он один.

Волна, хвостом ударив в диком раже,
Вмиг лодку опрокинула со мной.
А пароход, не оглянувшись даже,
Величественно отбыл в мрак ночной [29, 178].

Речь здесь идет о наглости и тщеславии. Последнее, по мнению писателя, «само по себе не самая худшая черта, если оно стимулирует деятельность. Но когда оно беспочвенно и безмерно, становится пустой амбицией» [17, 183].

Поэт неоднократно признавался, что он теряется перед наглостью. «Почему же так?» — спрашивает М.Карим и сам же объясняет: «Иной пустяк, иная мелочь так занимает тебя порой, что белого света не видно. Сам знаешь, что это ерунда. Других учишь не поддаваться этому мелочному, а сам не можешь справиться с собой. Меня считают человеком не мелким. Я, действительно, силен, когда речь идет о крупных делах, даже о крупных неприятностях. Слаб перед мелочью, перед ничтожеством, перед хамством тем более» [17, 152]. В «Долгом-долгом детстве» мы читаем: «... всю жизнь так было, возьмут меня врасплох, и я перед бесстыдством, наглым напором теряюсь» [34, 190].

В этом мире на каждом шагу — западня.
Я по собственной воле не пожил и дня [46, 16].

Через многие столетия спустя после этих строк Омара Хайяма мы прочитали у М.Карима:

Но сплетня зашипела в подворотне,
И злоба повторила сотни раз:
«Мы бдительность утратили сегодня,
Угодничество в ход пошло средь нас...»

И полетела, как по листьям пламя,
Подхваченная дружно клевета,
Рожденная за тридцатью зубами
Единственного пакостного рта [31, 83].

Ничего не изменилось! Человеческие пороки неистребимы! Сколько бы об этом ни говорили, сколько бы их ни высмеивали и сколько бы за это ни наказывали!

Но говорить и писать об этом надо, чтобы человечество хотя бы чуточку стало лучше и чище! И этим глубоким гуманистическим делом занимался всю жизнь и Мустай Карим.

На людей я смотрю — и свои умножаю печали:
Позабыли и меру, и честь, и, боюсь, навсегда.
Косят сено на кладбищах, свято хранимых вначале,
И на склоны Олимпа свои выпускают стада [32, 182].

Не без горечи поэт в апреле 1988 года, в разгар т.н. «перестройки», заметил, что в последнее время он все реже и реже встречает хороших людей. И потому у него становится больше потерь [36].

Творения Мустая Карима близки и дороги людям разных стран тем, что в них глубина мысли гармонирует с завершенностью образа, осуждение зла является продолжением борьбы за добро. В.Огнёв, точно заметив, что башкирский поэт «умеет увидеть добро там, где его нетрудно, ожесточившись, не разглядеть вовсе», пишет: «Безоглядная вера в народ, ощущение кровной своей связи с ним, преклонение перед мудростью Старшей Матери (в которой мы видим не только отголоски матриархата и родовых поверий, но и сыновнюю преданность коллективному началу, демократическим принципам народовластия и народной справедливости) — такова основа мироощущения Мустая Карима и его героев. Здесь башкирский поэт органически «вписан» в большой ряд советской литературы, где имена Айтматова и Залыгина, Распутина и Белова, Матевосяна и Астафьева звучат как имена братьев одной семьи. Насыщенная поверьями, пословицами, обычаями народными, повесть М.Карима («Долгое-долгое детство». — *Авт.*) — в ряду тех произведений национальной литературы, которые в сравнительно малой форме лирической прозы умеют вместить энциклопедически спрессованное повествование эпическое — о своей земле, истории ее, «лица необщем выраженье» своего народа» [45].

Сострадание и равнодушие, милосердие и безразличие, шире — добро и зло, жизнь и смерть — вот проблемы, которые привлекали внимание писателя.

М.Карим был убежден в том, что одной из величайших бед современного мира является смешение понятий о добре и зле. Хаос в сознании людей приводит к тому, что человеку не на что опереться, так как всякие представления о добре и зле размыты. Стоит ли удивляться, что, когда речь заходит о том, «что хорошо» и «что плохо», человек чувствует себя беспомощным и растерянным? Почему же в обществе царит закон безнравственной вседозволенности? Именно в годы «демократизации» и «реформ» у поэта, как ответ на эти вопросы, родились строки:

Пуля свалить меня не смогла,
Штык одолеть не смог.
...Только низость из-за угла
Сбить меня может с ног [40, 270].

Огонь с водою слиться хочет,
А горы — рухнуть в синеву...
Со страхом смерти я покончил,
Теперь, страшась людей, живу [40, 260].

28 февраля 2004 года он сказал нам слова, которые, наверное, вызревали в последние годы его жизни: «Со львом легче бороться, чем с клопами».

Во время беседы с Г.Ишмухаметовой З.Н.Нуриев заметил: «Вокруг него (М.Карима. — *Авт.*) не раз пытались плести интриги, наговаривать напраслину. Но не зря говорят, что к чистому душой человеку никакая грязь не прилипает: Мустай Карим всегда оставался очень достойным, порядочным человеком» [22].

В Мамадышской районной газете Татарстана «За коммунистический труд» была напечатана статья Расула Гамзатова «Мустай Карим», где и имеются такие строки: «У нас много сказано о дружбе народов, но мало сказано о дружбе людей. Может быть, это и не нужно. Ибо ясный полдень незачем освещать горящими лампами и нет необходимости отапливать квартиры летом. Людская дружба, так же как правда, не нуждается в эпитетах, и ее не принято украшать словесными узорами. Особенно это не принято среди тех, кто тысячам хороших слов предпочитает один хороший поступок» [50].

У Мустая Карима было много прекрасных слов и не меньше хороших поступков в отношении друзей, знакомых да и просто незнакомых лично людей. Путь Мустая Карима и в литературе, и в жизни, говоря словами Расула Гамзатова, был «освещен тем добрым светом, который исходит от лиц людей, из глаз друзей. А в пути его было много горестей и радостей, и он был в том и в другом случае достоин их. Он меньше всего принадлежит себе, а принадлежит своим друзьям, людям своей земли, родному аулу, городу, стране» [50]. А.Ф.Зубанич свидетельствует: «У него (М.Карима. — *Авт.*) много хороших знакомых в писательской сфере — я сам не раз имел случай в этом убедиться. Кто-то верно сказал: «У Мустая пол-Москвы друзья...» (выделено нами. — *Авт.*) [20, 166]. Он же писал: «В перерыве (работы писательского съезда РСФСР. — *Авт.*) и произошло наше знакомство. Хотя какое знакомство?! Пожали друг другу руку, сказали несколько обязательных в таких случаях фраз, обменялись впечатлениями, — а с ним все здороваются, приглашают, спрашивают, чуть ли не все делегаты, оказывается, не просто знакомы, а в дружеских отношениях с Мустаем.

Так его и оттеснили, увели от меня» [20, 164].

Ахияр Хакимов полагает, что утверждение о том, что у Мустая Карима друзей пол-Москвы, не точно. «Во всех уголках страны и за ее рубежами у поэта немало друзей. И среди них не одни писатели. Душевная щедрость, готовность словом и делом помочь каждому в его добрых начинаниях, обаяние и цельность — вот что привлекает к Кариму все новых и новых друзей — соратников по борьбе, людей, которые так же щедро делятся с ним своим душевным богатством. Поистине: «Ум, песня, дружба выростут стократ, коль ими поделиться...» И не удивительно, что лучшие страницы поэзии Мустая Карима посвящены дружбе и его друзьям.

В большой жизненной дороге Мустая Карима многие могли бы отнестись себя в ранг его друзей или просто хороших знакомых. Да и сам Мустай Карим радовался их успехам и был несчастен, когда они были несчастны. И он имел полное право утверждать: «Я один из граждан этой страны. Если меня кто-нибудь спросит, что в ней больше всего люблю, я повторю тот же ответ: я ее сын, и она вся во мне, поэтому нельзя любить ее по частям. Что касается малейшей боли в любом уголке, в любой части ее, то я ощущаю ту боль остро и долго. Гибель рыбацкого судна где-то на северных водах или землетрясение в горах Дагестана оставляют неизгладимые шрамы на моем сердце. Когда дождевые тучи в мае обходят поля моих далеких или близких друзей, то я чувствую, что меня надолго обходят покой и радость. Тут дело, конечно, не в моих личных качествах, не в моей повышенной чувствительности к утратам. Я один из граждан Советской страны. Я воспринимаю наши общие радости и боль сообразно сущности нашего нравственного отношения к жизни, к нашему обществу» [30].

На вопрос: «Среди друзей кого больше, именитых или простых?» М.Карим ответил: «И те, и другие есть. Друзья и знакомые есть и в других странах, и в Москве, и в других городах. Конечно, многие из них писатели. Среди знакомых есть художники, ученые, музыканты, строители. Был богат хорошими соседями. Настоящих друзей было немало, но никого за дверями своего дома не держал. Когда освободившийся из мест заключения просил: «Мустай Карим, дайте денег на дорогу», — я давал. И любителям спиртного, бывало, давал деньги на бутылку. Двери моего дома были открыты для всех, но дверей души своей я не всем открывал» [57].

«Не могу, — пишет М.Муталов, — утверждать, что я был близко знаком с великим сыном башкирского народа Мустаем Каримом, хотя знали мы друг друга не понаслышке: эпизодически встречались в редакции «Вечерней Уфы» и непременно обменивались теплыми фразами о житье-бытье и творческих делах. И как-то решился посоветоваться с ним по поводу издания книги моего коллеги, профессора-геолога Сагди Ахмадеевича Султанова» [41].

Эта рукопись более трех лет пылилась у Б.Д.Магадеева, тогдашнего председателя Государственного комитета РБ по геологии и использованию недр. «Надеясь, — продолжает М.Муталов, — что Магадеев, уважая память своего наставника и коллеги, изыщет средства и издаст книгу. Но этого не произошло. Потому я забрал у чиновника труд профессора Султанова, с которым некогда работал на одной кафедре. После смерти Сагди Ахмадеевича решил написать книгу воспоминаний о нем, основанием к чему служили и упомянутая рукопись, а также часть архива, любезно предоставленного мне супругой профессора и его сыном Ренатом. Но вот как поступить с самим оригиналом, не знал, поскольку источников финансирования у меня не было» [41].

Тогда М.Муталов пришел к директору издательства «Китап» писателю Галиму Хисамову и показал две работы Султанова. Одна из них — «Воспоминания воина Великой Отечественной войны», другая — «С высоты прожитых лет», посвященная научно-производственной деятельности в области нефтяной геологии.

«Знаете, — сказал тогда Хисамов, — впереди большой праздник, 50-летие Победы над фашистской Германией. Предлагаю опубликовать в переводе на башкирский язык воспоминания Сагди Ахмадеевича о войне. А вот вторую работу возвращаю — к сожалению, у издательства нет денег на ее обнародование» [41].

Несколько месяцев М.Муталов жил в сомнениях, ломая голову над тем, как все-таки поступить с материалами Султанова. И вот тогда он решил посоветоваться с Мустаем Каримом.

При встрече вкратце изложил ему суть проблемы. «Что ты так переживаешь? — выслушав его, произнес М.Карим. — Раз республиканский комитет по геологическим делам не смог, вернее, не захотел взяться за публикацию трудов знаменитого ученого, а ты, напротив, хочешь, чтобы о нем узнали, ищи пути» [41].

В конце беседы М.Карим сказал: «Я бы посоветовал, раз нет возможности опубликовать рукопись твоего коллеги, изложить часть материала в виде диалога с ним, — сказал поэт. — Такая форма использования архивного и рукописного материала вполне уместна, особенно при изложении научных мыслей. Только при этом не забудь о корректной ссылке на автора. Полагаю, что книгу издать будет нелегко, но верю, что ты это сделаешь» [41].

Книга «Корифей нефтяной геологии», действительно, увидела свет в 2001 году. Вышла она в издательстве «Китап».

Да, Мустай Карим откликнулся на многие просьбы. В том числе достать книги, вещи для спектаклей и многое другое.

Отец мне сказал, прощаясь:
— Пора тебе в путь спешить!
На старости лет мечтаю
До славы твоей дожить! [34, 230].

Отец автора приведенных строк не дожил до славы своего сына. Мустая Карима на гребне славы и всенародного почитания увидели другие. Многие из них стали и свидетелями всенародного горя по поводу ухода поэта из этой жизни.

«Поэт, как птица, живет на лету», — сказал когда-то Мустай Карим [28]. Действительно, вся жизнь Мустая Карима напоминает полет птицы. Полет стремительный и завораживающий!

Бывает в жизни так, что человек предсказывает свою судьбу. С абсолютной точностью сбылось, например, трагическое предсказание Николая Рубцова:

Я умру в крещенские морозы,
Я умру, когда трещат березы [25, 399].

Мустай Карим писал в начале своего творческого пути о пробитом комсомольском билете. Прошло всего несколько лет, и осколок фашистского снаряда пробил уже его комсомольский билет. Писал о том, что мечтает умереть быстро, от разрыва сердца. И это тоже случилось.

Смерть великого мастера слова больно отозвалась в сердцах и душах тысяч и тысяч людей. Иначе быть и не могло. Ведь поэт своим искусством вошел в каждую семью, многие годы нуждающихся согревал теплом своим, своей неповторимой улыбкой и вовремя сказанным словом вселял в людей надежду. Быть может, именно потому накануне трагической даты некоторые почувствовали в какой-то степени фатальный ход событий. Так, народный поэт Республики Татарстан, лауреат Госпремии Татарстана имени Г.Тукая Р.Минуллин говорит: «Почему-то 20 сентября, к вечеру, когда я ходил по своему кабинету, мне вдруг захотелось взять с полки трехтомник Мустая Карима, чтобы дома почитать. Целый вечер листал его, прочел даже несколько стихотворений вслух своей жене. Когда ложился спать, книги были рядом со мной... А утром позвонили и сообщили, что Мустая Карима больше нет. Меня это потрясло» [51].

Корреспондент газеты «Республика Башкортостан» И.Николенко на смерть поэта откликнулась так: «В тот последний вторник его жизни пришло доброе известие: Мустафа Сафич чувствует себя значительно лучше. И вместе с ним сверкнула надежда: он выкарабкается, он сильный — и войну прошел, и сложные операции перенес, ну и что же, что годы — зато он духом крепче многих самых молодых...

А ночью снится сон, такой странный, будто и не сон вовсе, будто как наяву. Мне опять поручили ему звонить, просить... Опять неловко, беспокойно... Но как услышала его добрейшее «Алле-е-е...», душа до краев наполнилась сладкой радостью и покоем. И баюкала мысль: «Как хорошо, что он у нас есть». И мы с ним очень долго говорили, и как-то без слов, а все было понятно...

Утром сон забылся, осталось ощущение какого-то нереально сладостного тепла. С ним и отправилась в командировку. Солнце сияло весело, осень сверкала золотом, когда раздался телефонный звонок: «Мустай Карим умер...» [42].

Смерть поэта эхом отозвалась во всех уголках нашей страны.

В своем соболезновании детям поэта Альфии Мустаевне и Ильгизу Мустафовичу и народу Башкортостана Президент Российской Федерации В.В.Путин писал: «Российская культура понесла тяжелую утрату. Ушел из жизни яркий, талантливый человек — поэт, драматург, публицист, настоящий патриот и гражданин.

Светлая память о Мустае Кариме навсегда сохранится в сердцах его близких, друзей, всех, кто ценит богатейшее литературное наследие нашей многонациональной Родины» [14].

«Отечественная культура, — отмечал в своем соболезновании Председатель Правительства РФ Михаил Фрадков, — понесла тяжелую и невозполнимую утрату. М.С.Каримов по праву являлся классиком отечественной многонациональной литературы, крупным общественным деятелем. Его произведения вошли в сокровищницу мировой культуры.

Вся жизнь Мустафы Сафича являлась ярким примером служения своему народу. В широте его души, мудрости и обаяния отражались лучшие качества башкирского народа.

Выражаем соболезнование родным и близким покойного, всем тем, кто знал его лично и любил его творчество.

Мы скорбим вместе с вами, с многонациональным народом Башкортостана, со всей страной» [24].

Очень трогательные прощальные слова мы находим в телеграммах братьев М.Карима по перу.

Чингиз Айтматов: «И все больше вглядываюсь я в заветную фотографию, дорогую, памятную, висящую у меня в рамке под стеклом, где мы втроем — Мустай Карим, Расул Гамзатов и я...

Да, уходим вслед за нашим XX веком, как улетают птицы...

Остаюсь пока один...

Прощай, великий сын башкирских собратьев — Мустай Карим.

Преклоняюсь и плачу!» [34, 149].

Михаил Алексеев: «Пятьдесят лет мы прожили в литературе рядом, писали книги во славу нашей России, радовались успехам друг друга. У меня особое чувство любви к башкирскому народу, потому что однажды башкир Мустай в одном слове объединил нас, миллионы разных людей, в одной строчке слил наши чувства: «Не русский я, но — россиянин!»

При встречах «Миша!» — окликал он меня, — «Мустай!» — откликался, мы обнимались, как два брата. Тяжело думать, что никогда больше не обниму его, не почувствую, как совсем рядом бьется его сердце. Он покинул меня в такое нелегкое время» [18, 70—71].

Давид Кугультинов: «Я получил правительственную телеграмму красного цвета из Уфы и, еще не читая, вздрогнул, я уже знал ее смысл. А когда прочитал, то оглянулся вокруг: все ходят, что-то делают, а я — один, вроде, никого вокруг нет. Может, и на земле никого больше нет? И я понял: не стало Кайсына, не стало Расула, не стало Мустая... Я остался один, последний из четырех колес «поэтической телеги», как назвал нас когда-то великий русский поэт Ярослав Смеляков.

Мустай Карим был великий поэт, писатель, побыв наедине с которым, ты потом ощущал себя мальчишкой, карманы которого добрый дядя наполнил сказочными сладостями. Он мог утешить, он мог убедить, и, наконец, одарить крыльями» [18, 71].

«Мустай Карим, — пишет в своей телеграмме Президент Чеченской Республики А.Алханов, — внес огромный вклад в сокровищницу мировой литературы. Невозможно переоценить значение его труда в деле укрепления мира и согласия между народами.

Мы глубоко скорбим вместе с Вами» [14].

Елена Николаевская: «Мустай, фронтовик, прошедший страшную войну, чудом воскресший после смертельных ранений, мудрый, нежный, благородный, одно присутствие которого давало силы, уверенность в себе, исцеляло, радовало, даровало труднейшие решения в вопросах бытия и быта, в полушутливом разговоре с Господом Богом замечает:

И нет минуты лишней,
И каждый день, как чудо...
Здесь столько дел, Всевышний,
Что не уйти отсюда...

И все-таки ушел...

Ведать — не ведаю, сколько осталось —
Дольше, чем нужно — не надобно мне.

Нам нужно было — чтобы дольше и дольше» [51].

Нажиб Асанбаев: «Нас покинул великий Мустай Карим. Руки не слушаются, сердце болит. Как мне написать о великой потере столетия? Я ведь его глубоко уважал и любил...» [49].

Равиль Бикбаев: «Участие в проведении траурной церемонии стало одним из важнейших литературных событий — поминовении многонациональной России, важным, хоть и горьким событием культурной жизни республики и Уфы, а также московских литературных кругов. Так получается, что, даже умирая, писатель масштаба Мустая продолжает светить людям и объединять людей вместе.

Фигура писателя всегда была в самой гуще событий своего века. Мустай Карим не умер для литературы: он и сегодня говорит с нами, как мудрый советник, вдумчиво и глубоко. Его афористические мысли, его проникновенные строки навсегда останутся у нас в душе и памяти» [21].

Всего в трех абзацах передал и боль утраты, и характерные черты творчества М.Карима народный поэт Татарстана, лауреат Государственной премии РФ Ренат Харис: «Я бросил горсточку осенней земли в залитую солнцем могилу своего литературного учителя и, шагая по самой печальной из дорог, уводившей нас все дальше и дальше от нового жилища крупнейшего поэта России и всего тюркского мира, я стал вспоминать его произведения. И сразу, как это не раз уже бывало, очутился... не в этом, не в нашем веке, а в каком-то другом, сжатом, плотном, как ядро атома, как метафора поэта, где нет ничего случайного, ничего второстепенного, только самое главное — как для Земли, так и для человека с его родиной, судьбой, любовью, ненавистью, честью, с его надеждами на будущее, разочарованиями, смехом и плачем, солнечной радостью и труднопреодолимой тоской.

Интеллигентнейшая проза, глубоко философичная драматургия, многогранная, порой саблеострая, но всегда искренняя публицистика, профессорски основательная литературная критика и, наконец, блистательная поэзия! Там каждое слово **защищает в человеке Человека** (выделено нами. — *Авт.*), каждая строка борется с несправедливостью, ложью, унижением личности.

Он сам — гармоничный и вечно живой мир творчества, в котором продолжает делаться добро для многих поколений и в отсутствие самого творца» [18, 71].

Обратимся к известной поэтессе Т.Ганиевой, которая так описывала свое предчувствие: «С утра не работалось. Не было вдохновения. Что это: обычная усталость, перегрузка, а возможно, предчувствие какой-то беды... Откуда такое состояние, что не находишь места? Кажется, нет особых причин... В доме покой и тишина. Уже 12 ночи. Нужно попробовать уснуть. Только смыкаются веки — телефонный звонок. Факия Тугузбаева:

— Ушел он!..

Вскрикиваю:

— Как? Вот же только днем звонили в реанимацию. Ничего не предвещало...

Больше не могу произнести ни слова. Щемящая боль полоснула по сердцу, сковала душу.

Невозможно представить, что больше не будет ходить по земле этот светлый, благородный человек, что перестало биться сердце поэта, от которого всем нам долгие годы было так тепло!» [16].

В последние годы своей жизни, несмотря на неоднократные упоминания о неизбежности, он неоднократно напоминал нам притчу о старике, который,

устав жить, молил о смерти, когда же пожаловала костлявая с косой, спросила, звал ли, старик не оробел: звал, дескать, подсобить взвалить вязанку хвороста на спину. Подсобила безглазая, и пошел старик дальше. И Муста́й Ка́рим шел, не снимая груз ответственности за все, что происходило в мире. Шел, пока не разорвалось сердце!

Вспоминается случай. 10 июля 2004 года, зайдя в рабочий кабинет Муста́я Ка́рима, один из авторов этих строк увидел исписанные листы бумаги и поинтересовался, над чем он работает. «Вот пишу донос на будущее», — пошутил он.

Да, поэт работал в последние годы жизни так, словно боялся не успеть что-то важное сказать или не совершить. Об этом же и сын писателя Ильгиз Ка́римов сказал в своем прощальном слове: «Еще молодым человеком отец написал стихотворение «У меня останется сорок неоконченных дел». Отец полагал, что именно такое количество незаконченных дел останется после его смерти. Однако в быту он был человеком собранным, ничего не оставлял на потом, и на сегодня все его рукописи в порядке. К этому же времени он закончил печатать свой дневник, часть которого передал мне для публикации. Я хотел бы, чтобы в этот день прозвучало слово самого Муста́я Ка́рима. Эту запись он сделал в день, когда рушилась страна, рушились идеалы, но только не в нем самом» [14].

К сожалению, к великому нашему сожалению, многие из нас тоже не успели что-то важное сказать Муста́ю Ка́риму и сделать для него что-то от нас зависящее. Один из авторов этой статьи от души сожалеет по поводу того, что опоздал на 2—3 дня и не смог преподнести ему книгу «Традиции башкирского национального воспитания в творчестве Муста́я Ка́рима». Поэт ушел. Ушел в ВЕЧНОСТЬ. В ВЕЧНОСТЬ народной памяти. Как не вспомнить здесь прекрасные строки А.Твардовского, словно Муста́ю Ка́риму посвященные:

Есть имена и есть такие даты, —
Они нетленной сущности полны.
Мы в буднях перед ними виноваты, —
Не замолить по праздникам вины.
И славословья музыкою громкой
Не заглушить их памяти святой.
И в наших будут жить они потомках,
Что, может, нас оставят за чертой [52, 20].

Нельзя не согласиться с мнением, что Муста́й Ка́рим «всегда верил в ясный горизонт, в то, что все плохое пройдет. И обязательно наступит желанное завтра. Поэтому и мы не должны поддаваться пессимизму — сам Муста́фа Сафич вряд ли это одобрил бы. И сквозь неизбежную печаль надо утешиться тем, что он был рядом с нами, что нам выпало счастье слышать такого человека, читать его книги, жить с ним в одну эпоху» [55].

Действительно, как признавался М.Ка́рим, темная сторона жизни, задворки человеческого бытия его не притягивали. «У меня, — говорил он, — свой человеческий материал... В моих произведениях, например, нет женщин вздорных, сомнительных, никчемных. Разве мало их в жизни? Но опять-таки они не предмет моего внимания. Мое богатство — накопившиеся за 60—70 лет воспоминания о людях, добрых людях. Есть здесь и о людях, с которыми у

меня нет духовного родства. Однако я их вспоминаю сообразно их месту в моей памяти» [43, 135].

Жизнь Мустая Карима можно сравнить с жизнью неустанного Строителя Мостов. Мостов между людьми, между народами, между прошлым и настоящим. «Более 60 лет, — сказал он однажды, — под пристальным и испытывающим взглядом моих читателей, моих соотечественников, в меру своих сил тяну связь от сердца к сердцу людей, от сердца своего народа к сердцам других народов, порою вопреки непогодам и невзгодам» [13]. И в этом строительстве проявилось его великое ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЕ.

По возвращению из Турции в 1966 году М.Карим написал: «Всю обратную дорогу из Бурсы в Стамбул я думал о том, как много оставил этот человек (Назым Хикмет. — *Авт.*) после себя на земле: великие книги, ставшие учебниками жизни и борьбы; учеников, ставших мудрыми мастерами; просто друзей и просто людей — больших и маленьких, которые называют его братом, отцом, дедом... Он оставил любовь, безмерную любовь к людям, что обернулась любовью к нему самому» [35, 107].

Какие удивительные слова! И каждое из них характеризует и самого Мустая Карима, потому что гуманизм Мустая Карима проявлялся во всех поступках и по отношению ко всем. Тому свидетельств огромное множество, о некоторых из них уже шла речь в этой статье. Приведем еще.

16 января 1994 года поэт записал очень поучительный случай: «Вчера днем в дом ломались два пьяных молодых человека (меня дома не было). Рауза открыла дверь, видит, пьяные, и быстро захлопнула. Те начали беспрерывно звонить, пинать дверь ногами. Сами ругаются матом. Так продолжалось минут пятнадцать. Альфия не выдержала и позвонила в милицию. Быстро приехали милиционеры и дебоширов увезли. Сегодня утром в 8 часов звонок в дверь. Рауза открыла. Те же люди. Я еще не встал. Слышу, она говорит:

— Как вам не стыдно? Вчера напугали нас и еще сегодня с утра явились! Приходите в 10 часов.

Явились в 10. Оказывается, они вчера приходили ко мне читать свои стихи, но были очень пьяны, не помнят, как себя вели. Чуть не плачут. Их уже выгнали с работы. (Эти русские парни — пожарные). Еще вчера милиционеры доложили высокому своему начальству. Начальник пожарной части вместо того, чтобы доложить министру о принятых мерах, уволил незадачливых любителей поэзии за нападение на квартиру Мустая Карима.

Вот все утро и занимался тем, что дошел до министра и добился, чтобы их оставили на работе. Оба женатые, у одного годовалый ребенок. «Коллеги по поэзии» были безмерно рады. Так что выручил буянов.

То ли еще было несколько лет назад. Тогда пришлось спасать от тюрьмы юношей из деревни Авдон, которые ограбили мою дачу и были пойманы. Дело оказалось трудным. Пришлось побегать, но все-таки удалось убедить закрыть дело. Но ограбления дачи повторялись. Мой гуманный поступок был учтен юными грабителями следующих поколений. Они уже не боялись наказания в случае провала: Мустай Карим выручит!» [47].

Поэт однажды признался, что он человек не злой. Но выразил в связи с этим свое опасение: «Не способствует ли это восприятию моих вещей больше, чем они стоят? Я размышлял на эту тему. Если писатель вздорный человек и отношение к нему какое-то предвзятое, его произведения читаешь с другой точки

зрения. А вот ко мне у всех хорошее отношение. Оно могло дезориентировать читателя по отношению к моим вещам.

Конечно, если жизнь имеет начало, наверное, и конец будет. Наша земля перетерпела и обледенения, и потопа, это было самоутверждение земли, испытание ее на крепость. Мне кажется, что и через сто лет люди так же будут встречать солнце, будут любить, будут дети рождаться. Если всего этого не будет — зачем тогда жизнь на земле?» [39].

Словно отвечая на это опасение, на вечере памяти, состоявшемся 31 октября 2005 года, Р.Бикбаев сказал: «Мы говорим, что у умершего в течение сорока дней душа пребывает вместе с родственниками и близкими. Но душа Мустая Карима не только сорок дней, сорок месяцев, даже не только сорок лет, а в течение веков будет вместе с Башкортостаном» [44].

Д.Кугультинов писал:

Может, через много сотен лет
Здесь-то и отыщется наш след?.. [26, 138].

Об этом же и Генри Уодсворт Лонгфелло:

Жизнь великих призывает
Нас к великому идти,
Чтоб в песках времен остался
След и нашего пути, —

След, что выведет, быть может,
На дорогу и других —
Заблудившихся, усталых —
И пробудит совесть в них [49, 480].

Как видим, американский поэт в сомнениях: «быть может, ...пробудит совесть в них». И он прав.

Вспомним, хотя бы, как отреагировали наши центральные телеканалы на смерть Мустая Карима. Минимум информации! А вот смерть в те же дни какого-то продюсера Е.Айзеншписа, 17 лет отсидевшего в советских тюрьмах за валютные махинации, и кончину тогда же крутого «демократа» — журналиста Егора Яковлева «оплакивали» многократно все московские телевизионные каналы.

Но от этого фигура великого поэта не стала менее значимой.

Мы, современники, вряд ли можем в полной мере осознать значение роли Мустая Карима в судьбе нашей республики (возможно, и России в целом). Его место в мировой культуре определит время. Только тот беспристрастный аналитик даст точную оценку его философско-романтическому творчеству. Но уже сейчас бесспорно: книги Мустая Карима помогут читателям будущего ощутить истинную, не искаженную в угоду политике атмосферу чудовищных изломов, не раз корезивших Российское государство.

Все завершил. Покончил с мелочами,
И суета осталась позади... [32, 145]

Литература

1. Архив Мустая Карима.
2. *Валеев И.И.* Башкирская этнопедагогическая культура и Мустай Карим. — Уфа: Издательство БГАУ, 2002.
3. *Валеев И.И.* Педагогика Мустая Карима. Изд-е 2-е, перераб. и дополн. — Уфа: Китап, 2003.
4. *Валеев И.И.* Мустай Карим: воин, поэт, гражданин. — М.: Герои Отечества, 2004.
5. *Валеев И.И.* Традиции башкирского национального воспитания в творчестве Мустая Карима. — Уфа: Китап, 2005.
6. *Валеев И.И.* Мустай Карим — явление мировой культуры: В двух томах. Т.1. — Уфа: Гилем, 2007.
7. *Валеев И.И.* Мустай Карим — явление мировой культуры: В двух томах. Т.2. — Уфа: Гилем, 2007.
8. *Валеев И.И.* Нравственные уроки Мустая Карима. — Уфа: Китап, 2008.
9. *Валеев И.И.* Педагогические миниатюры Мустая Карима. — Уфа: Гилем, 2009.
10. *Валеев И.И.* Мустай Карим о религии. — М.: Наука, 2009.
11. *Валеев И.И.* Гуманизм Мустая Карима. В 2 т. Т.1. — Уфа: ООО НМЦ «Педагогическая книга», 2013.
12. *Валеев И.И.* Гуманизм Мустая Карима. В 2 т. Т.2. — Уфа: ООО НМЦ «Педагогическая книга», 2013.
13. Вечерняя Уфа. 1999. 26 апреля.
14. Вечерняя Уфа. 2005. 24 сентября.
15. Выражаем протест // Истоки. 2002. №14.
16. *Ганиева Т.* Оставлю вам солнце без шрама и трещины... // Республика Башкортостан. 2009. 19 сентября.
17. Год без Мустая. — Уфа: Инеш, 2006.
18. «Долгая жизнь и короткая старость» // Уфа. 2005. №11.
19. *Зиганшин К.* Мудрец из Кляшева // Республика Башкортостан. 2006. 21 сентября.
20. *Зубанич Ф.* Цветы на камне // Радуга. 1981. №6.
21. Истоки. 2005. №47.
22. *Ишмухаметова Г.* Мустай Карим — наш Пушкин, или как оседлать строптивого коня // Истоки. 2004. №42.
23. *Кайсын Кулиев.* Лицо поэта // Вечерняя Уфа. 1972. 20 ноября.
24. Какое сердце биться перестало... // Вечерняя Уфа. 2005. 23 сентября.
25. *Кожин В.* В поэзии Николая Рубцова есть отблеск безграничности // Правда. 2006. №8.
26. *Кугультинов Д.Н.* Собрание сочинений. В 3-х т. Т.2. — М.: Худож. лит., 1988.
27. *Мерзабеков М.А.* Собственный корреспондент по Башкортостану. — Уфа: Китап, 2008.
28. *Мустай Карим.* Город Октября // Кызыл Башкортостан. 1949. 6 ноября.

29. *Мустай Карим*. Мудрые уроки // Знамя. 1962. №9.
30. *Мустай Карим*. Думы о Родине // Известия. 1973. 6 января.
31. *Мустай Карим*. Избранное. Стихотворения. Поэмы. Сказки. Трагедии. — М.: Худож. лит., 1973.
32. *Мустай Карим*. Собрание сочинений. В 3-х т. Т.1. — М.: Худож. лит., 1983.
33. *Мустай Карим*. Собрание сочинений. В 3-х т. Т.2. — М.: Худож. лит., 1983.
34. *Мустай Карим*. Собрание сочинений. В 3-х т. Т.3. — М.: Худож. лит., 1983.
35. *Мустай Карим*. Притча о трех братьях. — М.: Современник, 1988.
36. *Мустай Карим, Рыфат Мавлютов*. Слова и суть // Литературная газета. 1988. 13 апреля.
37. *Мустай Карим*. Время дорого, оно не для распрей // Советская культура. 1989. 30 марта.
38. *Мустай Карим*. Возвращение. — Уфа: Изд-во «Башкортостан», 1994.
39. Мустай Карим: «Я не был сторонним человеком своему времени» // Уфимские ведомости. 2003. 9 декабря.
40. *Мустай Карим*. Долгая дорога. — Уфа: Китап, 2004.
41. *Муталов А.* Совет патриарха меня окрылил // Вечерняя Уфа. 2010. 19 ноября.
42. *Николенко И.* У каждого мгновения свои колокола // Республика Башкортостан. 2005. 20 октября.
43. *Николенко И.* Веселый грустный человек // Республика Башкортостан. 2006. 20 октября.
44. *Нурғалина Н.* Он и сегодня с нами... // Башкортостан. 2005. 2 ноября.
45. *Огнёв В.* Чудесный огонь // Литературная Россия. 1984. 23 марта.
46. *Омар Хайям*. Как чудесен милой лик: Рубаи. — М.: ЭКСПО-Пресс, 1988.
47. Осень патриарха // Республика Башкортостан. 2007. 20 октября.
48. Поэзия народов мира. — М.: Дет. лит., 1986.
49. Прощай, Поэт... // Башкортостан. 22 сентября.
50. *Расул Гамзатов*. Мустай Карим // За коммунистический труд. 1989. 27 мая.
51. Сегодня мы прощаемся с Мустаем Каримом... // Республика Башкортостан. 2005. 24 сентября.
52. Советская поэзия 60—70-х годов. — М.: Советская Россия. 1985.
53. Стихи поэтов народов дореволюционной России (XIX — начала XX века). — М.: «Детская литература», 1987.
54. *Шафигов Г.* Жизнь, вобравшая эпоху // Советская Башкирия. 1994. 20 октября.
55. *Шерстобитова А.* «Ушел от нас всего лишь человек, а мир осиротел...» // Республика Башкортостан. 2005. 24 сентября.
56. *Щербатов М.М.* Путешествие в землю Офирскую. — СПб., 1896.
57. *Юнусова Г.* Мустай Карим: «Поэта должны волновать и взрывы, и оторвавшийся от дерева листик» // Центральная Уфа. 2004. №2.